

© 1994 г. М.К. САБАНЕЕВА

О СУЩНОСТИ НАКЛОНЕНИЯ

Настоящая работа посвящена вопросам общего грамматического содержания наклонений, сущности противопоставления друг другу наклонений, характера связи между наклонениями и иными средствами выражения модальности глагольного действия.

Традиционно наклонение определяется как грамматический (а именно – морфологический) способ выражения отношения действия к действительности с точки зрения говорящего. При этом выделяются два типа наклонений: прямое, т.е. изъявительное (индикатив), представляющее действие как реальность, и косвенные, выражающие нереальность действия, т.е. его желательность, обусловленность и т.д. с позиций субъекта речи [1–5].

В развитии научной концепции наклонения принципиально важным является признание модальности индикатива, имеющего "собственное положительное категориальное значение" [6]. Тем самым подчеркивается субъективный интерпретирующий характер грамматической семантики индикатива, благодаря которому говорящий, пользуясь индикативом, может не только констатировать объективно реальные факты, но и лгать, сочинять сказки и небылицы. Реальность, выраженная индикативом, субъективна.

Вплоть до настоящего времени, однако, в научной литературе не ставился вопрос об основах противопоставления друг другу косвенных наклонений. Между тем постановка и решение этого вопроса позволяет раскрыть не только грамматическую сущность парадигмы косвенных наклонений, но и содержание категории наклонения в целом, а также своеобразие связей между наклонениями, с одной стороны, модальными глаголами и футурумом – с другой.

Как известно, в огромном количестве языков имеется несколько косвенных наклонений. Так, например, в древнегреческом существовали императив, оптатив и конъюнктив; в латинском – императив и конъюнктив; в романских и германских языках существуют императив, -кондиционал и конъюнктив, в русском языке – повелительное и сослагательное наклонения¹. Наличие ряда косвенных наклонений в одном языке свидетельствует о том, что их значение не сводится лишь к субъективному представлению действия как нереального. Ведь если бы противопоставление реальности/нереальности было единственным содержательным основанием оппозиции прямое/косвенное наклонения, то достаточно было бы одного косвенного наклонения вместо имеющихся обычно нескольких.

Термин "нереальность" не исчерпывает содержания косвенных наклонений еще и потому, что логически он означает отрицание реальности. Между тем ясно, что *Приходи* вовсе не тождественно отрицательным предложениям *Не приходишь* или *Не придешь*, *Не будешь приходить*; *Он пришел бы* не заменяет *Он не пришел*, *Он не приходит* или *Он не придет*. Значение косвенных наклонений богаче и сложнее, чем

¹ В отличие от других наклонений императив соотносится с коммуникативной установкой побудительности высказывания. При этом семантика, "прагматический ранг" и своеобразная формальная специфика императива свидетельствуют о том, что данный ряд форм представляет собой отдельное наклонение [7].

простое отрицание реальности действия в том или ином временном плане. Высказанные соображения позволяют заключить, что необходимо внести уточнения в понятие глагольного наклонения.

Кроме того, традиционное определение наклонений неприменимо в тех случаях, когда у косвенного наклонения преобладают функции, не связанные с представлением действия в качестве реального или нереального, т.е. не отражающие позиции говорящего относительно связи действия с действительностью. Например, большинство функций конъюнктива в придаточных предложениях современного французского языка безразличны к представлению о реальности/нереальности действия с точки зрения субъекта речи. Во французском языке унаследованный из латыни конъюнктив (=субжонктив) употребляется в основном в придаточных предложениях, где, как правило, связан с семантикой подчинительного союза или предиката главного предложения. При этом говорящий не обладает свободой выбора наклонения, он следует синтагматической модели, фиксированной нормой.

Французский конъюнктив употребляется регулярно в общеуступительных придаточных предложениях вопреки тому, что семантика уступки основана на presupпозиции реальности события, не приведшего к ожидаемому следствию: *Quoiqu'il soit venu, il ne participe pas à la conversation* "Хотя он и пришел, он не участвует в беседе". Точно так же в итальянском языке уступительные придаточные неизменно включают конъюнктив. Например: *Nessuno voleva andar a letto benché fosse già tardi* "Никто не хотел ложиться спать, несмотря на то, что было уже поздно". Во французских и итальянских придаточных времени, вводимых союзами со значением "прежде чем", "до того как", конъюнктив обязателен, независимо от реальности/нереальности действия придаточного. Например: франц. *Il viendra avant que vous partiez* "Он придет, прежде чем вы уедете"; *Il est venu avant que vous soyez parti* "Он пришел до того, как вы уехали"; итал. *Prima che arrivassero i miei amici io ero in campagna* "До того как приехали мои друзья, я жил в деревне". В сложноподчиненных предложениях с дополнителем придаточным, зависящим от волитивного глагола, только форма 1 л. настоящего времени передает позицию говорящего в момент речи относительно связи действия придаточного с действительностью. Например, франц. *Je veux qu'il vienne* = итал. *Voglio che venga* "Я хочу, чтобы он пришел". Между тем при другом лице волитивного глагола, а также в 1 л. ед.ч. прошедшего времени позиция говорящего в момент речи по отношению к действию придаточного не выражается. Например: франц. *Je voulais qu'il vînt (vienne)*, (итал. *Volevo che venisse*) "Я хотел, чтобы он пришел" вовсе не означает, что в акте речи говорящий сохраняет прежнее волитивное отношение к приходу данного человека. Предложения: франц. *Il veut que tu viennes*, итал. *Vuole che venga* "Он хочет, чтобы ты пришел" оставляют нас в неизвестности относительно точки зрения субъекта речи на действие придаточного. Следовательно, наряду с наклонениями, обладающими модальным содержанием, надлежит признать существование наклонений, не дающих информации о позиции говорящего², т.е. амодальных, немаркированных.

Высказанные соображения дают основание предпринять новую попытку истолкования грамматической семантики наклонений.

Рассмотрим сначала "полноценные" наклонения, свободно функционирующие в независимых предложениях и передающие позицию говорящего относительно связи действия с действительностью, т.е. модальность глагола-сказуемого.

Анализ содержания данных наклонений базируется на признании полифункциональности языковых единиц, т.е. на различении первичной функции,

² На материале французского языка Г. Гийом предложил трактовку наклонений как системы форм, противопоставленных друг другу по степени четкости отражения времени действия. Суть лингвистической концепции Г. Гийома, а также ее критический анализ и полемику с его пониманием наклонений см. в работах [8-13].

представляющей парадигматическое значение в "чистом" виде и не отмеченной каким-либо особым типом контекста, и вторичных функций, контекстуально маркированных, являющихся результатом взаимодействия разноуровневых языковых единиц [14–17].

Грамматическое значение модальных наклонений (изъявительного, повелительного, сослагательного) разложимо на дифференциальные семантические признаки, которые позволяют обнаружить содержательные основания противопоставления наклонений в их первичных функциях.

Первый дифференциальный семантический признак, лежащий в основе противопоставления прямого и косвенных наклонений, состоит в наличии/отсутствии представления действия как реального. Этот признак присутствует у индикатива и отсутствует у косвенных наклонений. Ведь ни *Приходи*, ни *Он пришел бы* не выражают констатацию процесса как реального. По отношению к указанному признаку данные наклонения (как повелительное, так и сослагательное) характеризуются негативно.

Второй дифференциальный признак заключается в наличии/отсутствии субъективного фактора сознания как способа связи нереального действия с действительностью. В связи с тем, что индикатив отображает представление действия как реального, грамматическое значение этого наклонения не включает в свой состав указание на фактор, способствующий связи нереального действия с действительностью. Зато в косвенных наклонениях этот признак неизменно присутствует, образуя важнейший, определяющий компонент их значения. Необходимо обратить внимание на то, что в разных косвенных наклонениях фактор связи нереального действия с действительностью оказывается различным: для императива – это волевое отношение говорящего, направленное на осуществление действия через призыв к его субъекту; для кондиционала – гипотетическое условие. Вполне возможны и другие семантические реализации субъективного фактора сознания внутри грамматического значения косвенных наклонений. Так, например, в азербайджанском языке имеется долженствовательное наклонение, в котором связь нереального действия с действительностью осуществляется в сознании говорящего посредством представления о необходимости, обязательности этого действия [18]. Описание значений косвенных наклонений в различных языках, осуществленное Б.А. Серебrenниковым [19], свидетельствует о широком диапазоне человеческих представлений относительно способа связи нереального действия с действительностью.

Семантическая структура наклонений, обладающих модальным содержанием, может быть представлена следующей таблицей.

Дифференциальные семантические признаки	Индикатив	Косвенные наклонения модального содержания
1) Представление действия как реального	+	–
2) Представления о факторе связи нереального действия с действительностью (волитивность, гипотетическая обусловленность и др.)	–	+

Как видно из приведенной таблицы, противопоставление наклонений с модальным содержанием представляет собой эквиополентную оппозицию³.

Однако эта оппозиция не является единственно возможной для наклонений. В языках, обладающих формами синтагматически связанных наклонений и безразличных к представлению о действии как о реальном или нереальном в сознании говорящего,

³ Предлагаемые в настоящей статье семантические дифференциальные признаки косвенных наклонений применимы к первичным функциям косвенных наклонений в латинском и романских языках, а также в русском. Представляется, что они релевантны и для германских языков

существует еще оппозиция по признаку выраженности/невыраженности модального содержания. Так, например, в романских языках индикативу, императиву и кондиционалу вместе взятым противостоит конъюнктив (во французском – сюбжонктив, в испанском – субхунтив и т.д.) как наклонение, в большинстве своих функций амодальное, особенно во французском языке. Противопоставление наклонений по признаку выраженности/невыраженности модального содержания образует привативную оппозицию.

Семантическая структура категории наклонения в языках, обладающих наклонениями не только синтагматически свободными и модального содержания, но также синтагматически связанными и преимущественно амодальными, предстает обобщенно в виде следующей оппозиции:

Наклонения, выражающие представление говорящего о связи действия с действительностью (индикатив, императив, кондиционал)

Наклонение, не выражающее представление говорящего о связи действия с действительностью (конъюнктив)

Общей чертой косвенных наклонений, противопоставленных индикативу внутри как эквиполентной, так и привативной оппозиций, является отсутствие специальной формы для выражения настоящего времени. Укоренившееся в грамматической традиции названия "презенс" кондиционала и "презенс" конъюнктива не соответствует грамматическому содержанию данных форм, потому что эти последние способны обозначать действие, соотносимое как с настоящим, так и с будущим. Так, во французском предложении *Je suis content que l'enfant dorme* "Я доволен, что ребенок спит" презенс конъюнктива обозначает действие в плане настоящего; между тем в предложении *Je veux qu'il parte* "Я хочу, чтобы он уехал" презенс конъюнктива обозначает действие в плане будущего. Простая форма кондиционала в предложении *Je voudrais l'espérer* "Я хотел бы на это надеяться" соотносит обозначаемый процесс с настоящим, в то время как в предложении *J'accepterais volontiers cette proposition* "Я охотно принял бы это предложение" – с будущим.

В связи с тем, что настоящее представляет собой временной план максимальной актуализации действия [20], отсутствие специализированной временной формы для выражения настоящего в косвенных наклонениях вполне закономерно.

Недостаточная отчетливость временной локализации действия в косвенных наклонениях производна от их модального/амодального противопоставления индикативу. Поскольку время является важнейшим признаком бытия, действие, представляемое как реальность, отчетливо соотносится с настоящим, прошлым и будущим. Действия же, представляемые как нереальные в момент речи (императив, кондиционал) или вне способа связи с действительностью (конъюнктив в большинстве своих функций), не получают признака бытия, т.е. точного указания на время по отношению к говорящему. Наличие/отсутствие указания на способ связи действия с действительностью образует ведущий признак содержания наклонений.

Среди двух наиболее распространенных видов косвенных наклонений (повелительного и условного) первое является наиболее древним и присутствует почти во всех языках мира, в то время как условные наклонения часто возникали на основе переосмысления волитивных форм [21–25]. Это естественно, ибо модальная семантика повелительного наклонения тесно связана с наиболее конкретной прагматической установкой говорящего в акте коммуникации. По сравнению с повелительным наклонением условное менее распространено [26], что связано, очевидно, с большей абстрактностью условного наклонения.

Итак, признак, лежащий в основе оппозиции косвенных наклонений друг другу, соответствует представлению о факторе, с которым связывается претворение нереального действия в действительность. В наклонениях данное представле-

ние воплощается в грамматическом значении и находит морфологическое выражение⁴.

Принципиально важно обратить внимание на то, что в сочетаниях модальных глаголов с инфинитивом представление говорящего о факторе связи нереального действия с действительностью воплощено в лексическом значении модального глагола: возможность, долженствование, волитивность⁵.

В логико-понятийном отношении модальные глаголы и косвенные наклонения не тождественны друг другу. Французский императив и глаголы долженствования сближаются по смыслу только в строго определенных речевых ситуациях. Они прагматически эквивалентны для адресата речи при условиях 1) совпадения адресата речи с адресатом волеизъявления и 2) социальной и возрастной дистанции, определяющей его зависимость от субъекта речи. В подобной коммуникативной ситуации франц. *Partez* "Отправляйтесь" равноценно *Vous devez partir* "Вы должны отправиться". При этом чужая речь воспринимается адресатом как принуждение к действию, необходимому в силу внешних факторов. В русском языке одной из вторичных функций сослагательного наклонения, маркированной интонацией и инвертированным порядком слов, является передача волитивного отношения к действию; при этом высказывание приобретает характер совета, суждения говорящего о том, как надлежит или надлежало поступить. Например, *Ответил бы ты ему* близко к высказыванию *Тебе следует (следовало) ему ответить*.

Гипотетическое обусловленное действие и объективная возможность также представляют собой разные единицы смысла. Как во французском, так и в русском языке предложения *Il viendrait* "Он пришел бы" и *Il peut venir* "Он может прийти" отнюдь не эквивалентны. Французский кондиционал и русское сослагательное наклонение имплицитируют наличие условия, при котором реализуется действие глагола-сказуемого. Если в предшествующем контексте не указано условие и если оно не подразумевается ситуативно, предложения с кондиционалом и сослагательным наклонением синсемантичны. Между тем сочетание модального глагола возможности с инфинитивом передает значение потенциальности вне зависимости от какого-либо условия.

Только ограниченные типы контекста могут способствовать меньшей смысловой зависимости действия в кондиционале от выражения условия. В таких случаях кондиционал обозначает потенциальное действие, а все предложение автосемантически без смысловой опоры на условие. Лексическое значение глагола в кондиционале в сочетании с лексическим значением заглагольных компонентов предложения может указывать на то, что подлежащему приписывается признак в качестве постоянной способности к тому или иному действию. Например: франц. *Il se jeterait à la flotte pour toi* "Он бросился бы в воду за тебя"; *Elle charmerait n'importe qui* "Она очаровала бы кого угодно". Стабильная способность субъекта к определенному действию характеризует индивидуальность лица, выявляя постоянно присущие ему свойства. Важнейшим условием действия являются в таком случае качества самого субъекта; непосредственные же импульсы к реализации действия могут быть настолько разнообразны, что указание на них не существенно для смысла предложения. Особенно способствует реализации потенциальности как одной из функций кондиционала семантика неопределенности одного из актантов или сирконстантов действия, подобно тому, как это имеет место во втором из примеров. Семантическая

⁴ Поскольку личная форма глагола-сказуемого играет важнейшую роль в акте предсказания и в организации высказывания, в целом ряде языков форма глагольного наклонения может служить для передачи категорий высказывания в целом, в частности, степени достоверности высказывания и вопросительной коммуникативной установки [27]. В современных романских и германских языках форма кондиционала обладает в качестве вторичной функции способностью выражать модальность высказывания.

⁵ В своих вторичных функциях модальные глаголы возможности и долженствования отражают критическую оценку модальности высказывания, которая передается также модальными словами, глаголами модуса и рядом личных глагольных форм. На материале французского языка подробнее об этом см. [28].

неопределенность актанта или сирконстанта предполагает возможность совершения действия при самых разнообразных условиях, указание на которые не обязательно для автосемантии предложения. Поэтому в приведенных примерах кондиционал и сослагательное наклонение могут быть заменены сочетанием модального глагола возможности с инфинитивом без существенного ущерба для общего смысла [29–30].

В зависимости от логико-понятийной совместимости формы косвенных наклонений могут включать в себя модальные глаголы. Если кондиционал совместим со всеми модальными глаголами, то императив, напротив, их "отторгает". Дело в том, что возможность, долженствование и желание представляют собой неконтролируемые состояния, между тем как императив обозначает призыв к совершению целенаправленного действия. Имеет место закономерная смысловая несовместимость, легко обнаруживаемая и в других языках.

По отношению к модальным глаголам близко родственной является форма футурума. Она занимает особое место внутри временных форм изъявительного наклонения (индикатива). Своеобразие футурума состоит в том, что данная форма фиксирует в языке мыслительный процесс опережающего отражения. Форма футурума, представляя не существующий в действительности процесс в качестве факта будущего, отражает сложнейшую интерпретирующую работу мысли. В психологии представление о событиях будущего является вероятностным прогнозированием на основании сведений, имеющихся в момент речи и связанных с личным опытом или с общим фондом знаний [31–32]. Процесс прогнозирования будущего на базе данных, присутствующих в сознании говорящего в момент речи, отчетливо отражается в основных моделях генезиса футурума.

Так, например, формы футурума в современных романских языках представляют собой результат утраты модальным глаголом своего лексического значения и превращения его в грамматический элемент синтетической или аналитической формы. Как известно, во французском, итальянском, испанском, каталанском и португальском языках флексии футурума восходят к личной форме глагола латинского *habēre* в значении долженствования; в балкано-романских языках вспомогательный глагол внутри аналитического футурума восходит к позднелатинскому воливному глаголу *volēre* (класс. *velle*); в сардинском языке вспомогательный глагол для футурума восходит к глаголам долженствования: либо *debere*, либо *habere*. В одном из диалектов ретороманского языка аналитическая форма футурума включает в качестве строевого элемента глагол, выражающий конечную точку движения, сопровождаемый предлогом *à* перед инфинитивом. Во всех случаях лексическая семантика глагола в личной форме (волитивность, долженствование, достижение конечной точки движения) изначально указывала на способ осуществления действия, обозначенного инфинитивом, т.е. на фактор, способствующий связи нереализованного в момент речи действия (инфинитив) с действительностью.

При переходе от свободной синтаксической конструкции к грамматизированной (синтетической или аналитической) форме футурума, т.е. по мере утраты глаголом в личной форме своего лексического значения, стиралось представление о факторе, способствующем претворению нереализованного действия, обозначенного инфинитивом, в действительность. Таким путем происходило становление романского футурума, представляющего действие будущего как констатируемый, реальный элемент, в сущности, воображаемой действительности.

Как известно, статус футурума в ряде германских языков является предметом дискуссий. Так, например, многие склонны видеть в английских сочетаниях *shall* и *will* с инфинитивом не столько форму футурума, сколько модальную конструкцию. При этом указывается, в частности, что представление о будущем вообще неопределенно; что формально сочетания инфинитива с *shall* и *will* в значении будущего не отличаются ничем от сочетаний с другими модальными глаголами; что глаголы *shall* и *will* не сочетаются с инфинитивами модальных глаголов, т.е. не грамматикализировались

окончательно [33]. Не имея возможности ввиду ограниченного объема статьи обстоятельно анализировать эту концепцию, приведем убедительную аргументацию И.П. Ивановой в пользу трактовки *shall* и *will* как форматов чисто временной формы футурума.

Во-первых, в современном английском языке широко используется безударная форма -*ll*, обобщающая *shall* и *will* независимо от лица, что снимает вопрос о дистрибуции модальных глаголов. Во вторых, форма -*ll* не несет модального содержания, форма же *will* выражает модальность желания только если находится под ударением. Кроме того, сочетаемость данных глаголов с инфинитивами, обозначающими действия, несовместимые в определенной ситуации с желанием или долженствованием, доказывают десемантизацию *shall* и *will*. Например, *He will be murdered* или *It will rain* [34].

Поэтому представляется целесообразным признать существование омонимичных сочетаний *shall* и *will* с инфинитивом: конструкции косвенной модальности и аналитической формы футурума, входящей в состав прямой модальности индикатива.

Обращает на себя внимание тот факт, что в романских и германских языках модальные глаголы возможности не были использованы для образования футурума. В качестве гипотезы, нуждающейся в проверке на большом фактическом материале, предложим следующее объяснение. Глаголы возможности в меньшей мере предрасположены к образованию форм будущего времени, чем глаголы воли и долженствования, потому что наличие объективной возможности осуществления действия дает меньше гарантий его реализации, чем долженствование или воля. Это не исключает вероятности построения форм будущего на базе глаголов возможности, но, по-видимому, не способствует большой распространенности подобной модели футурума. Напротив того, в качестве средства выражения косвенной модальности, т.е. образования аналитических форм косвенных наклонений, в романских и германских языках используются глаголы возможности. Так, например, в латинском языке глагол *posse* "мочь", а в романских языках его непосредственные потомки, употребляясь в форме презенса конъюнктива и управляя инфинитивом, образуют аналитическую конструкцию оптатива-экстраординального пожелания [35]. Аналогичная картина наблюдается в германских языках [36].

Грамматизованным средством выражения будущего могут быть сочетания глагола становления или глагола пространственного перемещения с инфинитивом [37]. Ср., нем. *Ich werde sprechen*, англ. *I am going to speak*, франц. *Je vais parler*. В этих случаях фактором осуществления нереализованного в момент речи действия изначально являлось либо становление нового признака, либо целенаправленное перемещение субъекта в пространстве.

Показательны генетические связи латинского конъюнктива со средствами выражения будущего. Значение волеизъявления (первичная функция конъюнктива) в форме презенса конъюнктива имело различные оттенки в разных лицах. В зависимости от категории лица модифицировалась связь между субъектом речи, т.е. носителем эмоционально-волевого отношения к действию, и субъектом-исполнителем глагольного действия. Особенно важной в плане перехода от представления о будущем как о нереальном, желаемом событии к представлению о будущем как о реальности была категория 1 л. ед.ч. Ведь если говорящий намерен совершить действие, осуществление которого зависит только от него, то форма 1 л. ед.ч. презенса конъюнктива смыкается с представлением о будущем действии, реализация которого гарантирована, т.е. с грамматическим содержанием футурума. Вероятно, именно форма 1 л. ед.ч. способствовала "отпочкованию" от конъюнктива парадигмы футурума III и IV спряжений. Сохранившееся формальное тождество для форм 1 л. ед.ч. III и IV спряжений презенса конъюнктива и футурума (лат. *legam, audiam*) вряд ли случайно⁶.

⁶ Генетическую связь индоевропейских конъюнктива и оптатива с формами будущего отмечают исследователи, по-разному оценивая ее [38-39].

Итак, в огромном большинстве случаев возникновение формы футурума сопряжено с переходом от иконического изображения будущего как вероятного и производного от некоторого фактора в настоящем (*должен, хочу, иду* и т.д.) к неиконическому отображению будущего как действия вне каких-либо зависимостей. Таким образом, форма футурума, генетически связанная с косвенной модальностью, по завершении процесса своего семантического и формального становления, переходит к "прямой" модальности, т.е. к индикативу, представляющему действие как непосредственно констатируемую реальность. Семантический компонент "способ связи нереального действия с действительностью" (воля, долженствование, целенаправленное движение, обусловленность) при этом полностью затухает. С помощью футурума говорящий представляет действие не как результат вероятностного прогнозирования, а как данность. Ореол сомнения, который может окружать высказывания типа *Я завтра приду* или *Скоро будет дождь*, происходит от возможного варианта осмысления с позиций адресата речи, а не от мысли говорящего, выраженной грамматическим значением языковой формы. Именно потому, что форма футурума представляет действие как данность, распоряжение в футуруме более безапелляционно и бесцеремонно, чем приказ в императиве: ведь императив представляет зависимость реализации действия от побуждения исполнителя со стороны говорящего; между тем футурум отображает действие как реальность, при которой роль и инициатива исполнителя не учитываются.

На основании изложенного можно заключить следующее.

1. Принимая во внимание существование среди наклонений особой разновидности форм, превратившихся в синтагматически связанное языковое средство, в большинстве своих функций не выражающее отношения говорящего к характеру связи действия с действительностью, целесообразно расширить и вместе с тем уточнить дефиницию наклонений. По-видимому, адекватно отразить сущность категории наклонения, способной не только эксплицировать, но и завуалировать представление субъекта речи, могло бы следующее определение: наклонение – это система личных форм глагола, противопоставленных по принципу выраженности/невыраженности представления говорящего о способе связи действия с действительностью. Это первая крупнейшая оппозиция наклонений, наличествующая не во всех языках. Данная оппозиция, привативная по своему типу, возникает в результате длительного исторического развития и разветвленного функционирования косвенного наклонения в составе придаточных предложений. Косвенное наклонение может сохранить в ограниченном объеме некоторые из модальных функций. Есть основания полагать, что из всех романских языков французский в наибольшей степени развил амодальные функции конъюнктива; однако эта проблема заслуживает специального исследования.

2. Внутри системы личных форм, выражающих представление говорящего о характере связи действия с действительностью, вычлениются обычно два ряда форм. С одной стороны, формы, представляющие действие как нереальное, воображаемое и вместе с тем указывающие на фактор, способствующий воплощению этого действия в реальность. С другой стороны, это формы, представляющие действие как реальность и поэтому не указывающие на какие-либо иные факторы его осуществления. Противопоставление этих двух типов наклонений представляет собой более частное членение рассматриваемой категории.

3. Последнее членение наклонений представляет собой противопоставление косвенных наклонений друг другу. Оно основано на факторе связи нереального действия с действительностью, т.е. на положительном семантическом компоненте, которым отличаются косвенные наклонения, объединенные негативным семантическим компонентом нереальности. Чаще всего этим положительным семантическим компонентом являются волитивность и гипотетическая обусловленность.

4. Категория наклонения включает иерархическую систему оппозиций, которая может быть трехступенчатой или двухступенчатой в зависимости от того, имеется ли в том или ином языке преимущественно связанное синтагматически наклонение.

5. Связь грамматического содержания косвенных наклонений с лексической семантикой модальных глаголов реализуется в синхронии, в то время как связь между семантикой модальных глаголов и косвенных наклонений, с одной стороны, и содержанием футурума, – с другой, относится к числу возможных диахронических взаимодействий.

6. Образование форм футурума в результате грамматизации конструкции "модальный глагол + инфинитив" или переосмысления формы косвенного наклонения свидетельствует о развитии и усложнении интерпретационного потенциала языковых средств, о движении в направлении неиконического отображения действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1970. С. 355.
2. Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. М., 1980. С. 177.
3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986. С. 200.
4. Реферовская Е.А. Наклонение // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 321.
5. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1986. С. 472.
6. Бондарко А.В. Реальность/ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1990. С. 73–74.
7. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. С. 204–207.
8. Guillaume G. Temps et verbe. Paris, 1929.
9. Schogt H. Temps et verbe de Gustave Guillaume trente-cinq ans après sa parution // La Linguistique. 1965. N 1. P. 55–74.
10. Сабанеева М.К. К проблеме наклонения в связи с лингвистической концепцией Г. Гийома // ФН. 1979. № 2.
11. Сабанеева М.К. Проблемы развития наклонений: от латинского языка к современному французскому: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1981. С. 2, 17–21.
12. Сабанеева М.К. Функциональный анализ наклонений в современном французском языке. Л., 1984. С. 17–20, 58–59, 96.
13. Сильницкий Г.Г. Функционально-коммуникативные типы наклонений и их темпоральные характеристики // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1990. С. 98–100, 109–110.
14. Koschmieder E. Primäre und Sekundäre Funktionen // Die Welt der Slaven, 1962. Jg. 7. Hf. 4.
15. Кацельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 32.
16. Бондарко А.В. О некоторых аспектах анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973. С. 21–22.
17. Гак В.Г. О функциональном подходе к изучению грамматических явлений // Ин. яз. в высшей школе. М., 1974. Вып. 8.
18. Гаджиева Н.З. Азербайджанский язык // Языки народов СССР. Т.2. Тюркские языки / Отв. ред. Н. А. Баскаков. М., 1966. С. 78–79.
19. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора. Язык и мышление. М., 1988. С. 23–33.
20. Бондарко А.В. Реальность/ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 72.
21. Brugmann K., Delbrück B. Vergleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen, Bd. 4, Fl. 2, Strassburg, 1897. S. 401.
22. Bréal M. Essai de sémantique. Paris, 1924. P. 208–209.
23. Meillet A., Vendryes J. Traité de grammaire comparée des langues classiques. Paris, 1948. P. 654–656.
24. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974. С. 203.
25. Шербак А.М. О происхождении форм условного наклонения в тюркских языках // СТ. 1976. № 2.
26. Андронов М.С. Дравидийские языки. И., 1965. С. 68.
27. Мецанинов И.И. Глагол. Л., 1982. С. 88–89.
28. Сабанеева М.К. Модальность высказывания // Французский язык в свете теории речевого общения / Отв. ред. Т.А. Репина. С.-Петербург, 1992.
29. Сабанеева М.К. "Скрытая" грамматика глагольного наклонения // Исследования по романской филологии. Серия "Древняя и Новая Романия". Вып. 2. Л., 1978. С. 79–88.
30. Сабанеева М.К. Генезис косвенных наклонений французского глагола. Л., 1981.
31. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Вреженная организация нервно-психической деятельности человека // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем. Л., 1980.

32. *Отмахова Н.А.* Функциональная асимметрия мозга человека и проблема возникновения нового знания. Пуцдино, 1984. С. 11.
33. *Слюсарева Н.А.* Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986. С. 70–74.
34. *Иванова И.П., Бурлакова В.В., Поченцов Г.Г.* Теоретическая грамматика английского языка. М., 1981. С. 56.
35. *Sechehaye A.* Essai de classement des espèces de phrases et quelques observations sur les trois cas hypothétiques en latin // BSLP, 1933–1934. V. XXXV. N 104. P. 69.
36. *Ермолиева Л.С.* Типология развития системы наклонений// Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1977. С. 278.
37. *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
38. *Gonda J.* The character of the Indo-European moods. With especial regard to Greek and Sanskrit. Wiesbaden, 1956. P. 51–52.
39. *Hahn E.A.* Subjunctive and optative; their origin as futures. New York. 1964. P. 152.